

Молодой Грифон

Когда мне было семь лет, я вызвал Николаса сразиться со мной в мраморном октагоне. В то время он был ровно вдвое старше меня, и его уровень культивации был ровно на одно царство выше моего.

Гражданин пятого ранга, бросающий вызов Философу пятого ранга. Это было полным абсурдом, и все участники знали об этом. Сверстники Николаса и его последователи смеялись и подбадривали его. Для них это была просто игра, разумеется, драка между старшим и младшим столпом Розовой Зари. Гимнасиарх, известный своей серьёзностью, видимо считал так же, потому что он разрешил это.

Но когда Николас, поддавшись на уговоры, поднялся на мраморный помост, когда он встретился со мной взглядом и мы сцепили предплечья, я понял, что он видит правду. И хотя он спросил меня шёпотом, уверен ли я, он без колебаний согласился.

Есть причина, почему я восхищаюсь моим кузеном.

Когда гимнасиарх дал команду к бою, мой кузен бросился на меня со всей силой, на которую был способен как культиватор, и я, в свою очередь, встретил его с той же силой. Всё было кончено в считанные секунды.

Я, разумеется, ужасно проиграл. Гимнасиарх был в ярости, и даже товарищи Николаса в культе не знали, какую реакцию ему показать. Это было понятно. Ведь мой старший кузен никогда не обращался с ними с той же свирепостью, как в те несколько жестоких секунд со мной.

Но это было именно то, что мне было нужно. В тот момент, когда моё лицо ударилось о край мраморного октагона и два выбитых зуба ударили мне в горло, когда мой правый локоть громко сломался, я впервые увидел разницу между небом и землёй. И я понял, без тени сомнения в моём сердце, что преодолеть эту пропасть не невозможно.

Больше я никогда не дрался со своим старшим кузеном всерьёз. На то, не было причин. Я знал себя и знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что не готов, и вскоре мой отец погрузил его на корабль и отправил в мир, оставив меня принимать роль юного аристократа в полном объёме. Но это было не страшно. Я получил то, что хотел.

Величайшие люди знали свои пределы лучше, чем кто-либо другой.

Бродячий философ поднял одну руку, три пальца были сложены, а два указывали на небо. Поза лектора, готового просветить меня относительно огромного расстояния между нами. К несчастью для него, Римляне – ужасно невежливые ученики. Сол поднялся с земли за спиной философа и набросился на него с яростной гримасой на лице, которая стала ещё более злобной из-за его сломанного носа.

Я обрушился на старика как падающая звезда, молотя его по лицу двадцатью пылающими руками и используя неустойчивость, которую обеспечил Сол, чтобы сбить его с ног.

Гравитас ударил меня как приливная волна, и на этот раз я позволил ему смыть меня своим течением, отлетев назад, как будто падая с неба. Контраргумент Философа, нечто бессловесное и невидимое, потянулся к Солу вместо меня. Я отмахнулся от этого двадцатью руками панкратиона, увлекая за собой моего брата.

Вход в пещеру обрушился сам собой, прежде чем мы успели полностью выбраться наружу – просто случайность, я уверен. Гравитас ударил падающий камень, но каким-то образом был рассеян, оставив нас в ловушке внутри. Я встал на ноги и подтянул Сола к себе.

Бродячий философ раздражённо фыркнул и, встав, отряхнул тунику. Не глядя, я протянул руку и схватил Сола за нос, с тошнотворным хрустом вправляя его на место. Он выругался, и в то же время схватил мой палец, который я не заметил как был вывихнут, и вправил его на место. Серебристые нити молниеносных ощущений пронеслись по моей руке, и мы снова были как новенькие.

— Давай попробуем ещё раз, старик, — весело сказал я, переходя в правильную панкратионовскую стойку. Кулаки были свободно сжаты передо мной, а большая часть веса приходилась на ведущую ногу. — Меня зовут Грифон, а это Сол. Кем ты себя возомнил, чтобы наложить свои грязные руки на моего брата?

Он выглядел не впечатлённым, но всё же ответил: «Меня зовут Сократ. Я тот, кто я есть».

Когда мне было семь лет, мой старший кузен научил меня, что такое сражаться с противником, которого я не в силах одолеть. Я никогда не забуду этот урок. И вот теперь я пожинаю горькие плоды этого урока.

С нашими спутниками это, может быть, было бы возможно. Но в одиночку?

Ну что ж. Я не просил, чтобы это было легко.

— Давай обменяемся мнениями, — предложил я.

— Если мы должны.

Мы втроём пришли в движение.

— Я уже спрашивал Римлянина, но спрошу ещё раз. Чего, по-твоему, ты здесь добиваешься? — спросил Сократ, парируя мою начальную комбинацию короткими, эффективными рубящими ударами и блоками. Он повернулся в сторону, когда Сол пронёсся мимо меня со своим бронзовым копьём, уклоняясь от него на волосок.

— Здесь? — Я поймал прямой левый удар пятью наложенными друг на друга руками панкратиона и сглотнул кровь от удара, который ударной волной прошёл по моей душе. — Я напоминаю старику, что опыт не заменит бодрости.

— Больше увиливаний, — сказал он, ловя шквал ударов на поднятые предплечья, защищая свои виски и чувствительный стык между челюстью и шеей. Мы одновременно подняли колени, кость ударила о кость, и я вздрогнул, когда что-то во мне треснуло.

Сол ударил острием копья, попав Сократу в почку и заставив его отступить на шаг. Философ схватил копьё, и Сол не стал с ним бороться, вместо этого приняв свою собственную свободную, грубую боксёрскую стойку.

— Увиливания, — снова, презрительно, сказал Сократ. Он спрятал бронзовое копьё – необъяснимым образом, все десять футов – в складку своей туники и скрестил руки. — Двусмысленность, полуправда и подтекст. Вы перешли во второе царство и думаете, что если люди назовут вас Философами, то это станет правдой.

Сократ наклонил голову, как бы приглашая нас выйти за дверь, и в вихре его влияния я почувствовал едва заметное мерцание чего-то важного, чего-то глубокого. Я бы не заметил этого, если бы уже не искал это.

Я моргнул поражённый, когда Сол обхватил меня обеими руками и рывком поставил на ноги. В какой-то момент я каким-то образом оказался на коленях.

На стенах пещеры, несмотря на отсутствие какого-либо видимого источника, мерцал свет. Тени плясали по камню, складываясь в неясные фигуры, которые я не мог разобрать. Сократ сделал шаг вперёд.

— Слишком часто, — сказал он, — молодые люди принимают софистику за утончённую мысль. Недостаточно просто быть убедительным.

И потом он резко исчез. Я нахмурился и настороженно огляделся. Сол сделал то же самое рядом со мной, выпуская потоки своего влияние в поисках бродячего философа.

— Недостаточно просто выиграть спор, — сказал старик, подходя к нам.

— Не сейчас, дедуля, — сказал я, рассеянно махнув рукой и проведя бесплотными пальцами моего жестокого намерения по стенам пещеры в поисках трещины или щели, через которую мог сбежать философ.

Подождите ка.

Сол пришёл в себя на мгновение раньше меня, прыгнув передо мной, чтобы поймать апперкот, который подбросил бы меня в воздух. Я увидел на его лице с трудом сдерживаемую агонию и услышал треск ломающейся руки. Сократ наклонился назад и пнул его ногой в дальнюю стену.

— Видишь? Отвлечений недостаточно, — сказал Сократ. — Неважно, в драке или в разговоре. Вам нужны основы. — Я резко вдохнул и приблизился. Я пытался усилить себя принципами моей души, но он, как и около бани, погасил каждый из них.

Всё, что осталось - это техника и сила тела. Основные качества.

— Что такое риторика, если не искусство убеждать других? — Я возражал и словами, и сжатыми кулаками. — Философ - это, прежде всего, мудрый человек. И я говорю, что мудрый человек знает, чего он хочет. Я говорю, что мудрый человек знает цену своему времени! Почему я не должен использовать все имеющиеся в моём распоряжении инструменты, чтобы получить то, чего я хочу?

Я нанёс ему один удар по рёбрам и получил два по подбородку, но Сол вскочил на ноги и пришёл на подмогу, прежде чем меня полностью подавили. Его удары были быстрыми и грубыми. Я мог легко представить его в лагере в толпе буйных солдат, дерущихся друг с другом, чтобы выпустить пар.

— Мудрый человек знает, чего он хочет, — повторил Сократ. — Но когда я спрашиваю тебя, чего ты хочешь здесь добиться, ты прикидываешься дураком и танцуешь вокруг да около. Зачем ты здесь, мальчишка?

— Я здесь для вызова, — сказал я, и сердце моё пело от истины этого.

— Чтобы бросить вызов или, чтобы тебе бросили вызов?

Я слабо ухмыльнулся и, крутанувшись на правой пятке, нанёс круговой удар в висок. Философ поймал меня за лодыжку и дал мне пощёчину.

— Игры слов, — отругал он меня. — Жизнь — это не соревнование чтобы узнать, кто может вложить больше смысла в одну фразу. Дай мне ясности.

Сол вцепился в руку, державшую мою ногу, и упёрся плечом в грудь Сократа и, развернувшись, попытался перекинуть его через спину. Гравитас сотряс пещеру, разбросав теневые силуэты на стенах и преобразовав их в стройные ряды. Игрушечные солдатики маршируют по камню.

То ли из-за близости, то ли по неосторожности философа, но добродетель Сола на этот раз смогла до него дотянуться. Ненадолго. Философ упал вверх, в воздух, а затем шлёпнулся вниз, когда добродетель Сола раскрутила оси мира. Сол с карающей силой вернул его на землю.

— Говорить с ясностью, — размышлял мой брат, отпрыгивая назад от бесформенного возмездия философа и избегая его удара, и только сморщился, когда что-то со звонким хлопком ударило его по правому плечу.

— Что-то подобное, несомненно, вызвало бы отклонение в его культивации.

Я резко посмотрел на него, и он нашёл в себе силы ухмыльнуться.

— Моё добродетельное сердце не может лгать.

— Это мой принцип, — сказал я, преданный.

— А, верно.

— Для тебя это игра, не так ли? — сказал Сократ, обращаясь к Солу, когда он снова поднялся. От меня не ускользнуло, что он выглядел не хуже, чем раньше, у бани. Напротив, мы с Солом были в синяках, кровоточили, и в нескольких местах сломаны. — Твой город — дымящиеся руины, ты на пороге такой же судьбы. И тебе смешно?

Та маленькая радость, которую мой брат смог найти в своём сердце, исчезла с его лица. Я нахмурился.

— Я здесь для того, чтобы бросить вызов, и я здесь для того, чтобы мне бросили вызов, — сказал я, шагнув вперёд, напрягая мою пневму. — Я здесь, чтобы увидеть Оракулов, и я здесь, чтобы участвовать в Олимпийских Играх. Я здесь, чтобы встретить интересных людей, могущественных людей, и помериться с ними силами. Я здесь, чтобы узнать все секреты, которые вы и ваши Тираны не хотите, чтобы я узнал.

— И это всё? — спросил Сократ. Густые седые брови нахмурились, когда он посмотрел на меня. — Ты слишком молод, чтобы быть настолько жадным.

Я свирепо усмехнулся: «Я тот, кто я есть. И я хочу всё это».

И затем я взмахнул рукой, как будто смахнув из воздуха дрейфующий уголёк.

— Это в его пневме, — тень, которая была Вóроном слева, прошептала моей тени, которая была Вóроном справа, в то время как культиватор, который был Солом, поднял меня на ноги. — Философ строит основу из тысячи тысяч истин, это то, что ты мне сказал. И сейчас он использует эти истины. Он читает нам лекцию.

Сократ удивлённо хмыкнул, когда я ударил его простой истиной.

Кронос оставляет свой след. С возрастом приходит седина, с сединой приходит немощь.

Как и раньше, когда я имел дело с той троицей юных философов, а затем в борьбе с двумя Вóронами Держателя-Поводьев, я наблюдал естественную реакцию моей пневмы на силу о которой я не знал, и я понял. Я увидел мерцающий свет, почувствовал прилив моего влияния, вырвавшегося из меня по собственной воле. Я почувствовал то же самое, что почувствовал и передал мне Сол через наши тени.

Герой очищает силу тысячи тысяч различных истин в себе, превращая каждую из них в чистую мощь. Но Философ не может работать с этими истинами напрямую. Он ещё не настолько силен, чтобы полностью подчинить их своей воле.

Он может только направить их.

Истина старости поразила Сократа, и в моём воображении я увидел, как она делает своё неудержимое дело. Я видел, как она утяжеляет его осанку, горбит его спину и вбивает в суставы его пальцев свою губительную боль. Я увидел, как рука времени давит на него и делает его немощным.

Я увидел, как оно должно было произойти. К сожалению, реальное положение вещей было несколько иным

— Седые волосы может быть признаком многих вещей, — сказал Сократ мне в помощь, проговаривая контраргумент, который он вызвал своей пневмой. — Может быть признаком возраста, или неправильного питания. Отклонением в работе сердца, известным также как стресс. Или просто окраской волос, данной богом при рождении.

Моя атака отскочила от него, как дождевая вода. Но это было нормально. Теперь я знал, как это делается.

И Сол тоже.

— Молодой человек не может научить другого молодого человека как быть мудрым, — утверждал Сол, шагая по краю пещеры, его пневма ловила рассеянные потоки моей простой истины и пересобрала их. — Ты - мастер мастера моего мастера. Мудрый человек, который учил мудрого человека, который учил мудрого человека. Трижды старый.

— Кто сказал, что молодой человек не может быть мудрым? — бросил вызов Сократ.

Я ответил: «Молодой человек подобен щенку, которому дали аргумент. Он не может понять его по-настоящему. Одно из определений мудрости - это опыт, а опыт приходит со временем».

— Чтобы быть мудрым, тебе нужна мудрость, — завершил мысль Сол. И мы вместе, как один, поразили старого философа правдой его лет.

Сократ хрипло рассмеялся: «И всё же, вы здесь пытаетесь читать лекцию лектору. — И это было всё, что требовалось, чтобы смахнуть нас с его плеча. Я обменялся взглядом с Солом, пока он продолжал кружить за философом. — Не самая плохая попытка, но, конечно, и не самая лучшая. Возраст приводит к немощи, это верно, но в разной степени. Есть вещи, которые мы можем сделать, вещи, которые мы должны сделать как люди добродетели, чтобы сохранить наши силы и создать наши совершенные тела. К культиваторам — это тоже относится, только в ещё большей степени».

Мы с Солом двинулись как единое целое, снова сокращая расстояние.

— Но хватит об этом.

Что-то вроде тысячи мерцающих шепотков во влияние Сократа было единственным предупреждением, которое я получил, а затем я оказался за пределами пещеры, моё туловище и голова свисали над краем Каукосо Монс. Перевернутый вверх дном, Город Полу-Шага был поистине ослепителен в свете раннего утра. Я моргнул, заметив наверху, то есть внизу, знакомый силуэт, скрючившийся в тени ничем не примечательного грота, похожего на пещеру Сократа.

Лефтерис смотрел вниз, то есть вверх, на меня широко раскрытыми глазами. В руках у него был лук, золотая тетива которого была натянута, но стрела, насколько я мог судить, не была вложена.

Кто? пробормотал он.

Через моё размытое зрение я увидел, как кровь оттекает от его лица, когда Сократ вышел из своей пещеры.

— Эти игры, в которые вы играете, и люди, с которыми вы в них играете, — сказал он мне, — имеют реальные последствия. И они серьёзны. И они не ваши, чтобы так легкомысленно к ним относиться. Вы оба привлекли к себе примечательных людей и втянули их в нечто совершенно неразумное. Подумали ли вы, почему они готовы пойти за вами? Подумали ли вы о том, что они могут приобрести или, что важнее, что они могут потерять, если всё сложится не так, как вы предположили?

Позади него, в пещере, я увидел, как Сол с трудом пытается подняться на ноги. Небесное копьё было возвращено ему, вонзённое сквозь мышцы его левого бедра так, что вся конечность стала бесполезной.

— Я никогда не лгу, — вызывающе сказал я.

— Верно, — признал Сократ. — Ты не лжёшь. Но и истиной правды ты не говоришь. Ты решил, что они её не заслужили.

Я оскалил зубы и заставил своё тело двигаться, приподнявшись над краем.

— Ты меня не знаешь.

— Ты прав, — признал он. — Но я испытал тебя. Как я испытал и твоего отца.

Мои глаза расширились.

— Вы, алые сыны, все одинаковы, — сказал мудрый человек, наклоняясь и сжимая в кулаке золотую шаль, которую я использовал и как пояс, и как сумку для моей маски невзгоды. Он приподнял меня за неё и критически осмотрел. — Ты хочешь увидеть всё, что можно увидеть, сделать всё, что можно сделать, и тебе плевать на все последствия. Ты хочешь бросить вызов и хочешь, чтобы тебе бросили вызов? Быть по сему.

Он развернулся, и я увидел, как мышцы его руки вздулись от напряжения.

— Узри - невзгода.

И он бросил меня в Бурю, Которая Никогда Не Прекращалась.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3408731>